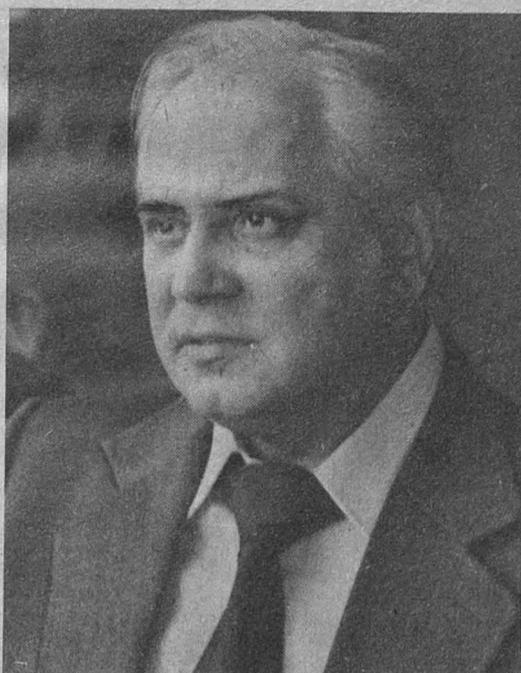


**Наш СОБЕСЕДНИК**

**Игорь Олегович  
ГОРБАЧЕВ,**  
народный артист СССР,  
лауреат Государственной  
премии РСФСР  
им. К. С. Станиславского



Когда в 1951 году студент Ленинградского университета Игорь Горбачев сыграл в любительском спектакле Хлестакова, он был тут же приглашен на сцену профессионального театра. Да какого! Большого драматического! Позже Горбачева без вступительных экзаменов приглашают на свой курс выдающийся советский театральный педагог Л. Ф. Макаръев. Так круто и навсегда изменилась судьба 23-летнего студента философского факультета ЛГУ.

Сегодня актер, режиссер и педагог, народный артист Советского Союза, лауреат Государственной премии РСФСР им. К. С. Станиславского Игорь Олегович Горбачев — художественный руководитель знаменитой Александринки, Ленинградского академического театра драмы имени А. С. Пушкина.

# РАДОСТЬ МОЯ — ТЕАТР

— И все-таки в юности, Игорь Олегович, вы избрали философский факультет. Почему? К какому будущему вы себя готовили?

— Знаете, философский факультет был моим вторым «окаменелым» выбором. Много раньше, еще во время войны, я мечтал стать врачом. Конкретно — хирургом.

Во время войны, оставаясь в блокадном Ленинграде, познакомился с работой врачей и понял, что спасать людей от гибели — самое главное, самое благородное дело. Я по-прежнему уверен в этом, но, увы, так и не стал врачом. И знаете почему? Понял, что люблю эту профессию за результат. А надо любить будни дела, каждый день. Любить ту черновую работу будней, которая — и только она — приводит к желаемому результату. В этом — профессионализм, профессиональное отношение к делу.

У меня есть друг, он токарь, а между тем у него высшее образование. На мой естественный вопрос он ответил: «Люблю думать в металле». «Думать в металле» — это и есть самые будни, его любимые будни.

— А теперь — о философском факультете.

— Я окончил школу в послевоенные годы, когда начиналась холодная война, задуманная Западом задолго до победных салютов. Мы все тогда с волнением читали выступления политических лидеров, известных дипломатов. (Улыбается). Не знаю почему, но решил, что современный мир весьма нуждается в том, чтобы я непременно стал дипломатом. Идя навстречу этим «нуждам», я и поступил на психологическое отделение философского факультета. И потребовалось совсем немного времени, чтобы снова понять: не мое. Не смогу сидеть в тихих залах библиотек, в кабинете и одолевая несметные тома для того, чтобы быть во всем дипломатическом блеске и всеоружии.

И подумал: что за странность? За что ни берусь — не мое, не хватает меня до конца уже на вторую профессию. А что мое?

И собиравшаяся долгое время мысль вдруг пронзила меня своей неожиданностью и естественностью: сцена! Репетиция — вот те будни, без которых не могу и не смогу прожить и дня. Вот он, тот процесс, который не просто заворачивает, но забирает в плен «от» и «до». И уже ничто во мне не свободно от этого.

— После сыгранной вами в любительском спектакле роли Хлестакова, которого вы вслед за этим сыграли в кино, вас пригласили на профессиональную сцену. Случай довольно редкий в практике театра. Как вам, тогда любителю, жилось на первых порах среди профессионалов? Сопутствовал ли вам тот же успех, который вы имели в роли Хлестакова?

— Если бы не было Хлестакова, мне сначала было бы легче в театре. Было трудно. Очень трудно. В предлагаемых ролях от меня требовали той же звонкости, легкости, что и у Хлестакова, и это меня раздражало, потому что Хлестаков уже был, я искал другое. Были неудачи. К слову сказать, неудачей считаю и... Хлестакова, сыгранного в кино. Именно неудачей по сравнению с Хлестаковым, сыгранным на сцене.

Неудачи первых лет считаю вполне правомерными. Шел не только поиск, но и накопление профессионального опыта. Да и жизненного тоже.

— Однажды вы назвали театр своей радостью, а кино — своей болью. Расшифруйте, пожалуйста. Могли бы вы и сегодня так же сказать?

больше в этом убежден. Театр — это моя радость. Я работаю именно в нем, привык к живому общению со зрителем. И это происходит ежедневно. Киноактер лишен этого. То, что он делает, фиксирует не зритель, а объектив кинокамеры.

В кино мне трудно. Я очень завидую коллегам, которые умеют хорошо сниматься в кино. Снимаюсь редко и потому, когда прихожу в кинематограф, понимаю, как отстал, отвык. Средства выразительности в театре и в кино совершенно различны.

В театре люблю импровизировать, ни в одном спектакле (с одинаковым названием) не повторяюсь. Постигание роли, характера происходит постоянно. В кино этого нельзя: в фильм идет один-единственный дубль. Сыграл, посмотрел на экране и... понял, что не так надо бы, есть интересней, сложнее, тоньше вариант. Но, как говорится, поезд ушел. Все, что сделал, непоправимо. Я уже не говорю о том, что в кино, как правило, нет репетиций, невозможно выстраивать роль, сыграть ее последовательно. Мне это очень мешает.

Есть еще одна беда, большая беда — не только актера кино, но и самого кинематографа: актер — лишь один из... компонентов кинопроизводства. А должен быть главным в нем. Этого не понимают сегодня многие кинорежиссеры. Мне кажется, если бы они не сочили за труд и вновь (а кто и впервые) обратились к книгам Станиславского о работе с актером, право же, сделали бы для себя множество открытий.

Как ни странно, в кино никогда не играют плохо. Но вот актерских взлетов в кино почти нет! А если и есть, то, как правило, «виновники» этого — снимающиеся театральные актеры. Знаете почему? «Закваска» другая. И еще один момент. В театр чаще ходят на актера, а в кино — на фильм.

— Так что в вашей актерской жизни кино никак не конкурирует с театром?

— Абсолютно. Снимаюсь лишь в том случае, если интересное предложение и есть свободное время. И, разумеется, интересный режиссер.

— И тем не менее Якушев в многосерийном фильме «Операция «Трест» стоит, видимо, особняком в ряду сыгранных вами в кино ролей...

— Совершенно верно. Не только работа над ролью Якушева, но вообще участие в фильме режиссера Колосова было волнительным, полным впечатлений от встреч с людьми, которые принимали участие в одной из самых уникальных операций чекистов.

Мне доставило огромную радость познакомиться и долгое время работать с режиссером Сергеем Николаевичем Колосовым, человеком огромного таланта, обаяния и душевной щедрости. Он проникает в материал настолько глубоко, что правомерно назвать его соавтором буквально каждой сыгранной в этой картине роли. А его отношение к актерам, уважение к ним, проявляемый всегда такт! Лышу себя надеждой, что судьба еще сведет нас в совместном деле.

— Накануне этой встречи прочитал о вас следующее: «Он склонен брать однотипные роли, мириться с их несовершенством, лишь бы не упустить возможности духовно слиться с человеком, раскрывая прекрасные качества его души». Странная фраза, не правда ли? Фраза, в которой одна ее половина исключает, в сущности, другую.

— «Склонен брать» — это совершенно неверно написано. Вы нужен брат! И тут строки критика должны быть адресованы скорее драматургам. Ведь беда: мало, очень мало добротного дра-

матургического материала. Критик же почему-то этого не замечает или не хочет замечать. Вообще должен сказать, что некоторые критики просто-таки раздражают, требуя от актеров создания незабываемого едва ли не ежедневно. (Замечу в скобках: архитектор построит какое-то уникальное сооружение, а затем строит просто добротные дома). Я к тому, что мы, то есть театр, еще и производств. Критик увидел актера в роли один раз, а актер между тем свою роль тиражирует, играет ее 100, 200 и 300 раз. Нельзя требовать каждый раз шедевров, этого просто не может быть. Но как бы то ни было, актер все равно выходит на сцену и делает нужное дело: несет в зрительный зал заряд доброты и справедливости. Актер ежедневно бросается в атаку на пошлость, чванство, равнодушие и другие человеческие пороки. А критические статьи без учета этого факта. Некоторым критикам подавай шедевр в чистом виде, как блестящий изумруд. Огромная армия моих коллег остается вне поля зрения критиков, многие из которых часто создают ложные сенсации, выдают желаемое за действительное и этим наносят вред и театру, и зрителям, совершенно дезориентируя последних.

— Всегда ли смотрите себя на экране?

— Смотрю лишь в ролях, которые неглубоко вошли в мою жизнь. Помните, я говорил о непоправимости роли в кино. Вот потому и не видел на экране многих из тех, кого сыграл. Фильмы «Ревизор», например, или «Операция «Трест» лишь начинал смотреть, но не выдерживал. Так и не увидел на экране своего Хлестакова и Якушева.

— Ваше увлечение вне театра?

— У нас с сыном Игорем, которому 11 лет, одно увлечение — политика. Мы в курсе почти всего, что происходит на политической арене современного мира.

— Какую роль в вашей жизни ленинградца играет... Подмосковье?

— Мне много раз приходилось сниматься в Подмосковье — в Обнинске, например, Протвине, Дубне... Очень полюбил ваши края. По сравнению с нашим ленинградским загородом Подмосковье более пышное, что ли... Прекрасный растительный мир, микроклимат. Наша природа в этом плане выглядит более аскетично, более сурово. Побывал — и был очень этому рад — в Мелихове, с детства знакомом по литературе.

Я лично не меньше, чем любовью москвич, проникся подмосковным краем. Очень возможно, что один из его уголков станет для меня в будущем местом отдыха.

— Игорь Олегович, а что сейчас, во время отпуска, вы делаете в Москве?

— Снимаюсь на киностудию имени Горького. Режиссер Илья Гурин предложил мне главную роль в фильме «Старые долги». Это как раз тот случай, когда интересный режиссер предложил мне интересную роль. Поэтому я, несмотря на крайнюю усталость после напряженного театрального сезона, провожу отпуск на съемочной площадке.

— И где вы отдыхаете в выходные дни?

— В бывшем Подмосковье — Сокольниках, которые заочно полюбил давно, в студенческую пору. И вот теперь субботу и воскресенье проведу в по-прежнему милых моему сердцу Сокольниках, купаюсь, брожу таежными тропинками этого удивительного уголка Москвы.

Беседу вел  
Л. ДНЕПРОВСКИЙ.